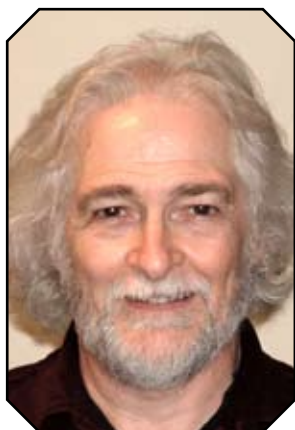

ИНТЕРВЬЮ**Интервью с Уильямом Кэрроллом:
«Основные проблемы капитализма,
существовавшие ещё в XIX веке, по-прежнему
актуальны в веке XXI»**

КЭРРОЛЛ Уильям
(Carroll, William K.) — профессор социологии Университета Виктории; президент Комитета по исследованиям экономики и общества Международной социологической ассоциации (ISA).
Адрес: V8W 3P5, Канада, Британская Колумбия, г. Виктория, корпус Университета Виктории им. Т. Корне, А338, почтовый ящик № 3050.

Email: wcarroll@uvic.ca

Перевод с англ. Елены Конобеевой.

Научн. ред. — Александр Куракин.

Интервью с Уильямом Кэрроллом, профессором социологии Университета Виктории, состоялось в рамках конференции «Embeddedness and Beyond: Do Sociological Theories meet Economic Realities?» («Укоренённость и за её пределами: объясняют ли социологические теории экономическую реальность?»), проходившей в Москве 25–28 октября 2012 г. У. Кэрролл выступил на конференции с докладом «Embedding Postcapitalist Alternatives: The Global Network of Alternative Knowledge Production and Mobilization» («Укоренение посткапиталистических альтернатив: глобальная сеть для производства альтернативных знаний и мобилизации»), а также являлся председателем секций мини-конференции «Capitalist Globalization and Its Alternatives» («Капиталистическая глобализация и её альтернативы»).

В рамках интервью Кэрролл рассуждает о посткапитализме, который представляет собой уход от классового общества к экономической демократии, о возможностях и условиях её достижения. Также Кэрролл критикует капиталистический способ производства, поляризацию доходов и обсуждает сложившиеся проблемы экологии, усугубляющиеся в условиях глобализации.

По мнению Кэрролла, современное капиталистическое общество не является демократическим в полном смысле слова, поскольку сегодня его политическая система представляет собой автократию, опосредованную рынком, а общество разделено в своих доходах в пропорции 1 : 99%. Ещё один серьёзный вопрос капитализма — проблема экологии: капиталистический способ производства основан на бесконечном росте, а природные ресурсы ограничены. При этом существовавшие в XIX веке проблемы капитализма по-прежнему остаются актуальными в XX и XXI веках.

Глобализационные процессы, по мнению Кэрролла, сыграли не последнюю роль в формировании транснационального капиталистического класса, основанного на уплотняющихся сетях корпоративных и управленческих элит. Несмотря на существование других исторических примеров формирования подобных сетей взаимодействия, транснациональный капиталистический класс гораздо более транснационализирован и аккумулирует несравнимо большие потоки капитала и возможности политического планирования. При этом связи внутри транснационального капиталистического класса ослабляются конкуренцией и недоверием между капиталиста-

ми, но именно эта конкуренция и позволяет капиталистическому способу производства оставаться крайне динамичным.

Ключевые слова: капитализм; посткапитализм; демократия; транснациональный капиталистический класс; глобализация; Карл Маркс; общественные движения; корпорации.

— *Насколько я знаю, Вашими основными исследовательскими темами являются капитализм, глобализация, общественные движения... Может быть, что-то ещё. Всё верно?*

— Эти три темы определённо являются наиболее важными для меня, особенно на сегодняшний день. Они образуют мой исследовательский фокус, который, конечно, всё время развивается, но сейчас Ваше описание вполне подходит.

— *Давайте поговорим о капитализме.*

— Хорошо.

— *В названии темы Вашего выступления на конференции упоминается слово «посткапитализм». Что Вы подразумеваете под посткапитализмом? Почему нельзя говорить просто о другой форме капитализма? Или же можно утверждать, что множественный капитализм трансформируется во множественный посткапитализм? Итак, что Вы можете сказать о посткапитализме?*

— Я бы сказал, что под посткапитализмом я подразумеваю возможные способы организации экономической, социальной и политической жизни, которые необязательно отвергают рынки, поскольку, на мой взгляд, ключевая черта капитализма вовсе не рынок. Возникновение рынков опережает появление капитализма на многие годы. Ключевым атрибутом, который действительно определяет капитализм, является то, что Маркс называет «развитым товарным производством», понимая под этим коммодификацию человека и его действий. В частности, товаром становится рабочая сила. Рынки труда и т. п. — структурная особенность любой формы капитализма. Рабочий свободен сразу в двух смыслах, о которых говорил Маркс: от средств производства (он не раб), но также от какого бы то ни было контроля над средствами производства, что дало бы ему возможность зарабатывать на жизнь, не трудясь на работодателя. Так что, говоря о капитализме — при его определении, — я подразумеваю способ производства в классическом марксистском значении. Таким образом, посткапитализм на самом деле означает различные возможности ухода от классового общества, прежде всего в сторону экономической демократии, поскольку, пока средства производства находятся в собственности и эффективно контролируются капиталистическим классом, который достаточно сложным образом (а я провёл большое количество исследований, чтобы выяснить это) глобально вплетён в сегодняшнюю реальность, настоящей экономической демократии быть не может. По существу, то, что мы имеем, больше похоже на опосредованную рынком автократию, которая тем не менее включает огромную концентрацию богатства и власти в руках тех, кто владеет и контролирует капитал, будь то в виде крупных корпораций или инвестиционных фондов. Это те, кто образует правящий класс. И я думаю, что такой классический марксистский анализ (если хоть какие-то из его претенциозных утверждений исторически верны) обращает наше внимание на некоторые реальные проблемы человечества сегодня. В настоящий момент поэтому я слежу за тем, как прогрессивные исследовательские институты в разных частях мира решают эти вопросы и пытаются разработать альтернативы, найти выход из текущего положения дел, способы ухода от капитализма в сторону более демократичной формы хозяйства, в которой человечество не было бы разделено в пропорции 1 : 99%¹, если говорить языком современного дискурса. На мой взгляд, такое

¹ «Мы — 99%» («We are the 99%») — один из главных лозунгов движения «Оккупей» («Occupy Movement»), участники которого обращают внимание на концентрацию богатства и ресурсов в руках 1% наиболее обеспеченных людей, в то время как остальные 99% призваны расплачиваться за ошибки этого правящего класса. — *Здесь и далее примеч. перев.*

классовое деление необходимо преодолеть. Это очень нормативная позиция, но, как социологу, мне интересно на эмпирическом уровне выяснить, какие из существующих сегодня практик на самом деле значимы для возможного построения посткапиталистического будущего. Это исследовательский вопрос. И это трудный вопрос.

— *А тот посткапитализм, о котором Вы говорите, это часть реальности или просто предмет желания?*

— Когда я об этом думаю, я вспоминаю высказывание или, возможно, образ, предложенный Антонио Грамши (Antonio Gramsci)². Знаете, он очень критически относился к тем, кого называл «люди, строящие воздушные замки». Речь идёт о мечтателях: «Я хотел бы, чтобы всё было совершенно иначе». Непонятно, как этого добиться; это лишь фантазия, мечта. Такой способ мышления может фактически укрепить статус-кво, поскольку на самом деле не предлагает никаких способов осмысления нынешней ситуации, реальных инструментов, которые мы могли бы сейчас использовать для изменения нашего мира. А это с материалистической точки зрения — ключевой момент. Довольно идеалистично представлять эти изменения мира как своего рода мечту и говорить: «Вот к чему мы должны идти». Думаю, что вместо этого мы должны рассмотреть доступные нам возможности. Я бы сказал, что до определённой степени противоречия капитализма, как правило, создают возможности: например, это растущая поляризация богатства и доходов, деление общества в пропорции 1 : 99%. Вы можете видеть, что в различных частях мира это главная политическая проблема для людей, что основная черта классовой политики становится важным вопросом. Другим серьёзным вопросом, на мой взгляд, является экологическая проблема: капитализму как способу производства необходим бесконечный рост. Капитал должен расти, чтобы быть капиталом. Поскольку капитализм будет расширяться до тех пор, пока не охватит всю экосистему, мы сталкиваемся с противоречием между логикой бесконечного роста и логикой гомеостатического равновесия, через которую в реальности функционируют экосистемы. На самом деле ресурсы нашей планеты весьма ограничены, крайне ограничено пространство и так далее, и тому подобное. И глобальное потепление, на мой взгляд, действительно является сигналом для нас. Я думаю, оно должно донести до людей идею, что нам необходимо отказаться от способа производства, который основан на бесконечном росте. Отсюда возникают и сегодняшние противоречия, подогревающие, на мой взгляд, различные социальные движения. И в своём нынешнем исследовании я рассматриваю прогрессивные исследовательские институты в разных частях мира, где люди, работающие в этих институтах, озабочены данными противоречиями и по этой причине присоединяются к различным общественным движениям. В диалоге с этими движениями они пытаются наметить альтернативы тому, что считают саморазрушительным и абсолютно самоубийственным образом жизни, который мы в настоящее время ведем, но могли бы, в принципе, от него уйти. Вот такого рода анализ. Он намного более прагматичен, чем воздушные замки. В нём есть и доля оптимизма, хотя вообще-то я довольно пессимистичен относительно будущего. Однако мой оптимизм связан с тем фактом, что (опять же возвращаясь к классическому марксизму) люди сами творят свою историю, они творят её не в тех условиях, которые сами выбирают, но тем не менее делают это. И это означает, что мы не навсегда обречены жить в реалиях сегодняшнего дня. Мы могли бы кардинально изменить всё. Большая проблема заключается, во-первых, в том, как сделать это демократическим путём, не так ли? Ведь у нас есть множество примеров неудавшихся революций, которые не были демократическими. Так что это решающий момент. А во-вторых, в том, как это сделать своевременно, ибо по моим ощущениям у нас нет бесконечного запаса времени для решения сегодняшних проблем.

— *А что Вы можете сказать о понятии дезорганизованного капитализма Лэша и Урри [Lash, Urry 1987]?*

² Итальянский философ и теоретик марксизма, основоположник теории гегемонии; годы жизни: 1891–1937.

— Я думаю, они во многом оказались правы. Как мне кажется, глобализация имеет тенденцию к усилению структурной власти капитала, поскольку капитал перемещается в транснациональных полях в соответствии с влиянием территориально ограниченных государств. Так, мы имеем определённые противоречия, и часть изменений в неолиберальной политике в 1990-е гг. и позже была выражением, если угодно, наступления дезорганизованного капитализма, являющегося частью дезорганизации государства. Государство начинает терять экономические рычаги, которые эффективно работали в кейнсианской эпохе национальных государств, поскольку тогда можно было до некоторой степени реально контролировать совокупный спрос в своей экономической зоне за счёт щедрых социальных программ и автоматических стабилизаторов и т. д., и т. д. В конечном счёте, наступление неолиберализма подрывает основы для такой политики. Так происходит отчасти потому, что глобализация капитала создаёт трудности для каждого отдельного государства в регулировании собственного социального капитала, своей национальной экономики. Поскольку каждое государство должно конкурировать за инвестиционный капитал с другими государствами, начинается всеобщая борьба за выживание, которая тянет всех ко дну, ведёт в тупик. Каждое государство должно поэтому в пределах своих территориальных границ создать лучшие условия для прибыльного накопления капитала, что обычно означает атаки на профсоюзы, сворачивание социальных программ, сокращение бюджетного дефицита и, по сути, следование парадигме неолиберальной политики. Но, безусловно, дерегулирование (особенно финансового капитала) в конечном счёте создаёт большую неустойчивость в системе, поэтому к 2008 г. у нас назрел такой страшный финансовый кризис, и он продолжается до сих пор, особенно если говорить о еврозоне, не так ли? В этом смысле я согласен с тем коллегой, который сказал на конференции, что неолиберализм был дискредитирован, но государственные чиновники и политики не видят ему альтернативы. Исследовательские группы, разрабатывающие альтернативную политику, с которыми я работаю, поэтому становятся для меня исключительно ценными. Эти группы пытаются решить следующую проблему: каковы альтернативы, что можно было бы сделать по-другому? И «по-другому» не просто в смысле небольших изменений политического курса, но действительно иначе — в плане преодоления структурной власти самого капитала и перехода к более демократической экономической системе.

— *Значит, Вы думаете, что капитализм является абсолютно недемократичным?*

— Нет. Я думаю, что это интересная тема. Кажется, Ленин сказал, что буржуазная демократия является наилучшей политической оболочкой для капитализма, имея в виду, что существующая у нас буржуазная демократия по сути своей является представительной демократией, которая осуществляется посредством выборов и верховенства закона. Такие институциональные рамки способны стабилизировать и легитимировать капитализм и позволяют ему работать гораздо более эффективно. И они призваны обеспечить лояльность огромных масс людей, потому что люди говорят: «Ну, мы живём в демократическом обществе. Это ведь уже демократия?». Я думаю, что главное в отношениях капитализма и демократии состоит в том, что капитализм в либерально-демократических государствах является частично демократическим, однако он не является демократическим при решении основных экономических вопросов: как осуществлять производство? кто будет контролировать прибавочный продукт этого производства? Ведь контроль над прибавочным продуктом — это, по сути, контроль будущего. Способы применения прибавочного продукта — это способы формирования будущего. И судя по этому ключевому критерию, мы совершенно точно живём не в демократии. Таким образом, капиталистическая демократия парадоксальна. Она содержит демократический аспект, который в действительности крайне важен. Он крайне важен для критических социологов или для кого бы то ни было, кто критикует капитализм не для того, чтобы отвергнуть его, а чтобы работать с ним. Я имею в виду, что не поддерживаю стратегии перемен, отрицающие реальность капиталистической демократии. Думаю, что вопрос заключается в использовании имеющихся средств для усиления демократии, в привнесении демократии в другие сферы жизни, особенно экономической жизни. Мы можем видеть это и в других движениях. Речь не только о классическом левом движении, о котором мы говорили, но и

о женском движении и феминизме. Сейчас женское движение также имеет достаточно глубокие исторические корни, и именно основные требования этого движения (без сомнения, демократические требования) расширили сферу демократии для женщин. Или если рассмотреть семейные отношения, где феминизм стал политической силой, то сейчас мы видим большее равенство власти внутри семьи, чем в патриархатной, иерархической системе. Так что думаю, есть целый ряд, если хотите, прогрессивных общественных движений, которые продвигают демократию, и я вижу необходимость в том, чтобы попытаться соединить их и найти некоторые точки соприкосновения в борьбе за более демократический образ жизни. Но одной из самых важных задач является экономика, имеющая в настоящее время, как я уже сказал, недемократическую структуру. Рыночная система и особенно потребительский капитализм представляют собой интересный повод задуматься над вопросами демократии, поскольку многие люди заявили бы, что потребительский капитализм и есть лучшая форма демократии. Потребитель голосует своими долларами. Некоторые люди, особенно придерживающиеся консервативной точки зрения по данному вопросу, сказали бы: «Нам даже необязательно выбирать правительство. Нам не нужно правительство, раз у нас есть свободный рынок, где каждый потребитель имеет возможность свободно делать выбор». И все честно конкурируют, кроме того.

— *Но количество долларов у разных людей неодинаковое...*

— Да, именно так. И проблема в том, что это не совсем демократия: это не принцип «один человек — один голос», а принцип «один доллар — один голос». И единственный способ обойти это — начать разрушение власти капитала, то есть механизма, постоянно порождающего огромное экономическое неравенство в доходах. Думаю, в конечном счёте все вернётся к критике капитализма.

— *Как Вы думаете, Маркс всё ещё актуален? Он всё ещё остаётся основным критиком капитализма?*

— Думаю, остаётся. Но Маркс, безусловно, принадлежит к иной исторической эпохе, нежели наша. Тем не менее удивительно, насколько основные положения его анализа остаются актуальными и в XXI веке. Особенно по сравнению с любым другим трудом XIX века и даже большей частью наследия XX века. Я полагаю, что Марксу удалось это благодаря разработке очень мощного теоретического и методологического подхода. В дальнейшем он был подхвачен и используется по-разному. Так, например, в Советском Союзе он использовался в упаковке сталинистской ортодоксии, которая, на мой взгляд, имела не научный, а, скорее, религиозный характер. И я думаю, вполне понятно, почему сегодня многие русские интеллектуалы попрощались с Марксом. Но, по-моему, на самом деле они прощаются со сталинским прочтением Маркса. И я бы предложил им вернуться к более интересным прочтениям Маркса. Посмотрите на другие, забытые вами научные школы в рамках марксистской традиции, вне сталинизма. Здесь я имею в виду современных авторов, таких как Дэвид Харви (David Harvey). Некоторые из них — очень известные американские и европейские авторы, а некоторые — с так называемого глобального Юга. Но как бы то ни было, я говорю о том, что на самом деле последнее слово не за Марксом; он произнёс первое слово, если вести речь о развитии марксизма как критики капитализма. Конечно, многие мои взгляды сформировались под влиянием Маркса, но гораздо больше они связаны с современной, новейшей литературой в марксистской традиции, с реальным возрождением марксистской литературы во всем мире. И это не удивительно в связи с мировыми проблемами. Интересно, что с усилением неолиберализма в 1980-х годах Маркс был отправлен на свалку. А потом он вернулся, потому что вернулись и кризисы капитализма, и снова у нас возникли описанные Марксом проблемы, действительно серьёзные проблемы, на которые у либеральной социальной науки нет ответов. По крайней мере, на мой взгляд.

— *Хорошо. Давайте обратимся к термину «глобализация». Как дискуссия вокруг глобализации изменилась с тех пор, как эта тема впервые появилась в дискурсе? Что происходит на данный момент?*

— Дискурс глобализации имеет несколько версий. Можно сказать, что в начале 1990-х, когда появились работы о конце истории и мире без границ и т. д., и т. п., в дискурсе преобладала консервативная трактовка глобализации, *чествование* глобализации: все проблемы прошлого постепенно отступают, а нас ожидает мир мобильности и свободы, мир без границ. На мой взгляд, эта оптимистичная версия либерального дискурса глобализации крайне сомнительна. На самом деле это попытка прикрыть ширмой некоторые из постоянных проблем глобального капитализма. Если сделать подсчёты упоминаний слова «глобализация» в ресурсе вроде Web of Science³, можно заметить огромный рост упоминания в СМИ этого термина и снижение упоминания такого термина, как «империализм». Следовательно, более критические термины, описывающие образ и форму капиталистической мировой системы, становятся маргинальными, поскольку дискурс глобализации имеет оптимистичную, инклюзивную форму. Думаю, что именно такое значение глобализация приобрела в 1990-х гг. Но, разумеется, потом, с развитием альтерглобализационных движений и альтерглобализационной политики... Здесь мне вспоминаются события в Сиэтле в 1999 г., когда во время встречи руководства Всемирной торговой организации (ВТО) начались массовые акции протеста. Такого рода события, а также развитие Всемирного социального форума (ВСФ) в первом десятилетии XXI века начинают оспаривать либеральный дискурс глобализации, так что у нас появляется более сложный образ — глобализация как борьба. Существует «глобализация сверху» — проект неолиберальной глобализации, как его часто называют. Также есть «глобализация снизу», и именно там существуют возможности для изменений.

— *Вы имеете в виду некоторый культурный обмен?*

— Нет. Я имею в виду развитие общественных движений, которые бросают настоящий вызов капиталистической глобализации и управляющим структурам глобализации капитала, таким как ВТО. А также тенденцию проведения протестных акций, выражение несогласия руководящим органам во время различных встреч мировой элиты. И негосударственные, общественные организации, и общественные движения начинают организовывать собственные — параллельные — заседания, чтобы сказать: «Мы говорим от имени большинства населения мира, а не элиты, которая, по сути, останется приверженной неолиберальной парадигме, что бы ни случилось». Сейчас поэтому, как мне кажется, смысл глобализации вызывает гораздо больше споров, чем прежде. Она уже рассматривается не как своего рода технократический или автоматический процесс, а всё в большей степени как соперничество, борьба, как создание будущего. Я не думаю, что кто-то будет спорить с тем, что глобализация — это всерьёз и надолго: мы живём в глобализованном мире. Но что это такое, что это за мир?

— *Насколько мне известно, многие Ваши исследования посвящены корпорациям. Скажите, пожалуйста, в Ваших работах по корпорациям есть отличия от чисто организационных исследований в традиционной социологии организаций?*

— Скажем так: я всегда применял классовый подход в своих исследованиях организаций. В частности, корпорации интересны мне прежде всего в качестве сосредоточения силы капиталистического класса, и я размышляю над тем, как структура власти в корпорации соотносится с формированием классов, с формированием капиталистического класса, а также других классов: например, промежуточного, управленческого класса, менеджеров среднего звена, которые на самом деле не являются частью капиталистического класса, но крайне важны для функционирования корпораций. Однако в большинстве своих исследований корпораций я рассматриваю самые верхние слои корпоративного менеджмента (особенно, советы директоров) и пытаюсь проследить сетевые связи этих советов директоров, которые

³ См. URL: <http://thomsonreuters.com/web-of-science/>

являются окном в социальную организацию корпоративной власти и корпоративных элит. И в самой последней своей работе я рассмотрел это на транснациональном уровне — на примере крупнейших корпораций в мире — и попытался проследить международные сетевые связи в элитарных кругах.

— *К примеру, Вы изучаете переплетённые директораты. Как я понимаю, этот термин заимствован из классической социологии организаций. Прав ли я, утверждая, что с организационными исследованиями у Вас сходная методология, но разные цели исследований?*

— Да, определённо.

— *Значит, схожие методы, но разные цели?*

— Думаю, вполне можно так сказать. В большинстве моих исследований корпораций используется довольно стандартный сетевой анализ, очень тщательно составляются списки директоров, определяются точки переплетения, а далее следует очень обширный анализ, чтобы показать, как эти сети пространственно распределены или какие отношения между, скажем, промышленным и финансовым капиталами могут быть отражены в этих переплетённых директоратах. Но методология и методы, которые я использую, достаточно стандартны.

— *И последний вопрос, поскольку у нас остаётся мало времени. В некоторых Ваших работах речь идёт о транснациональном капиталистическом классе. Чем он отличается от класса в его классическом понимании — марксистском, веберовском? Что такое транснациональный капиталистический класс, какие черты его определяют, каковы его отличия от классического определения класса?*

— Да, это хороший вопрос, и по нему как раз развернулась дискуссия в последнем номере журнала «Critical Sociology». В этой дискуссии я участвую вместе с моим коллегой Уильямом Робинсоном (William Robinson), который также довольно много писал на эту тему. И взгляд Робинсона несколько отличается от моего. В книге «The Making of a Transnational Capitalist Class» («Создание транснационального капиталистического класса») [Carroll et al. 2010] я утверждаю, что эти транснациональные сети (сети представителей элит) неуклонно расширяются, особенно в Европе. Они становятся всё плотнее. Безусловно, это формирование европейского капиталистического класса. Я выяснил, что капиталистические лидеры Европы социально интегрированы друг с другом, они живут в одном и том же мире. Таким образом, в веберовском смысле они действительно имеют сродство друг с другом и в культурно-политическом смысле, несомненно, образуют европейский капиталистический класс. Естественно, это не означает, что между ними нет разногласий, и в целом транснациональный капиталистический класс скреплён гораздо более слабыми узами, чем принято считать в классическом — марксистском или веберовском — смысле. Собственно, мы можем говорить о европейско-североамериканском объединении, которое восходит к эпохе после Второй мировой войны, старому покровительству Америки над Европой и увеличению взаимных инвестиций.

— *А Япония?*

— Япония становится частью этого процесса, но связи на уровне элит пока относительно слабы, отчасти из-за языковых различий, из-за географического расположения — Япония так удалена от Европы и Соединённых Штатов! К этому стоит прибавить особые модели корпоративного управления в Японии, благодаря которым японский капитал в меньшей степени подвержен вовлечению в транснациональные сети корпоративных элит. В классическом варианте в японских советах директоров не было никаких чисто внешних членов, которые выражали бы интересы, скажем, американской корпорации, и т. д. Таким образом, японские корпоративные капиталисты незначительно вовлечены в этот процесс, однако они

всё-таки становятся участниками транснационального капиталистического класса через другой слой социальной организации. Это группы политического планирования, такие как Трёхсторонняя комиссия (Trilateral Commission). В качестве одного из процессов формирования класса транснациональный капиталистический класс развивает организационные формы для выработки консенсуса, общих взглядов на то, каким должно быть будущее. Существует ряд групп, сформировавшихся в XX веке, которые в дополнение к переплетённым директоратам формируют и определённое политическое измерение данной социальной организации. И директора японских корпораций достаточно активно участвуют в Трёхсторонней комиссии. Используя этот канал, они встречаются с европейскими и американскими бизнес-лидерами. Итак, мы видим формирование элиты в рамках этой триады. Таков один из ключевых аспектов создания транснационального капиталистического класса. Среди участников глобальной корпоративной элиты пока всего лишь несколько представителей с глобального Юга, из таких стран, как Мексика, и не так много участников из Китая. Но это может измениться в ближайшие годы. Мои собственные данные для этого исследования оканчиваются 2007 г, так что даже за последние пять лет там могли произойти некоторые изменения.

— *Значит, Вам нужно написать продолжение.*

— Да, такого рода исследования должны обновляться время от времени.

— *А существуют ли противоречия между классовыми интересами и конкуренцией, поскольку все представители транснационального капиталистического класса являются предпринимателями и должны конкурировать друг с другом, но в то же время они имеют схожие интересы, классовые интересы?*

— Это очень хороший вопрос. Мой собственный аргумент заключается в том, что транснациональный капиталистический класс является слабым образованием. Всякого рода теории заговора гласят: «Они все вместе, все они объединены». Я думаю, это не совсем верно. Мне кажется, он (транснациональный капиталистический класс. — *А. К.*) действительно существует, но это слабое образование, и внутри него есть множество противоречий помимо тех, о которых Вы говорите; например, региональные противоречия, как те, которые сейчас переживает ЕС, то есть противоречия внутри ЕС. Так что это не «одна большая счастливая семья». Тот факт, что капитализм неизбежно предполагает конкуренцию между капиталистами, означает, что капиталисты всегда следят друг за другом. И, поскольку между ними нет 100%-го доверия друг другу, это действительно создаёт проблемы. Это жизненный факт для капиталистов. И они должны создавать социальные формы, которые смогут развивать доверие и общие представления, что не всегда легко сделать, особенно в периоды кризисов, когда отношения становятся всё больше похожи на игру с нулевой суммой. Некоторые капиталисты в условиях кризиса терпят убытки, но другие могут преуспеть. В своей книге я утверждаю, что транснациональный капиталистический класс находится в процессе формирования, но он ещё не сформировался. Вот почему она и называется «Создание транснационального капиталистического класса». Этот класс ещё не полностью сформировался, но уже заметны попытки его создания.

— *Как Вы думаете, транснациональный капиталистический класс — явление только нашего времени? Или нет? Может быть, он имеет долгую историю, равную истории самого капитализма? Поланьи в первой главе своей книги «The Great Transformation...» («Великая трансформация...») [Polanyi 2001] утверждает, что сто лет мира стали возможны отчасти из-за финансистов и банкиров в разных странах, которые хотели сохранить мир. Так что некоторые транснациональные сети существовали и в те времена.*

— Да, думаю, это верно. Не могу утверждать, что хорошо разбираюсь в ранней истории, но Вы абсолютно правы в том, что эти транснациональные сети своими корнями уходят в прошлое. Сейчас

это гораздо более плотная сеть; ныне национальные границы пересекают намного большие объёмы капитала, чем когда-либо прежде. Если вернуться к Марксу и марксизму, то я полагаю, что мы живём в мире, организованном на основе капиталистического способа производства, что исторически беспрецедентно. Это новая ситуация. Конечно, потоки капитала, банкиры и другие ключевые агенты капитализма, координирующие события в мировом масштабе, существуют уже довольно давно. Но по сравнению с более ранней историей это качественный переход к чему-то другому, что гораздо более, так сказать, транснационализировано (*transnationalized*).

— Так Вы думаете, что постмодернисты полностью заблуждаются?

— В чём именно?

— Вы говорили о капитализме, который в своих основополагающих чертах остался тем же, каким сложился исторически. А они утверждают, что наш мир полностью изменился по сравнению с тем, что было раньше.

— Думаю, если под постмодернизмом Вы подразумеваете именно это, то, как мне кажется, такая позиция ошибочна. Но можно отметить достаточно много интересных моментов с точки зрения развития постмодернистских культурных форм: информационную революцию, то, как эти изменения в производительных силах меняют человеческое восприятие мира, формы и образы, принимаемые товарами, например, iPhone. Именно благодаря конкуренции между капиталистами, которая постоянно требует новых производственных процессов, новых технологий, капитализм следует воспринимать как вероятно динамичный способ производства.

— Это тот же самый способ производства?

— Я сказал бы, что это тот же способ производства на определённом уровне абстракции, но в то же время его содержание меняется, и происходит это быстро, особенно сегодня. Однако, как мне кажется, основные проблемы капитализма, существовавшие ещё в XIX веке, по-прежнему актуальны и в XXI веке. И, как я уже говорил, ключевыми проблемами на самом деле являются экономическая поляризация, или классовое неравенство, и всё более разрушительное для экологии развитие. Мне кажется, что, если у нас нет критического взгляда на капитализм, мы, вероятно, не совсем понимаем, как глубоко эти проблемы связаны с определённым образом жизни, капиталистическим образом жизни. Даже со всеми нашими высокими технологиями и другими современными культурными элементами жизни это всё ещё капиталистический способ производства.

— Спасибо Вам большое! Мне кажется, нам пора идти на пленарное заседание.

Беседовал Александр Куракин.
Москва, НИУ ВШЭ, 27 октября 2012 г.

Основные работы У. Кэрролла

Carroll W. K. (ed.) 1997. *Organizing Dissent: Contemporary Social Movements in Theory and Practice*. Secocnd Edition. Toronto: Garamond Press.

Carroll W. K. 1986. *Corporate Power and Canadian Capitalism*. Vancouver: University of British Columbia Press.

- Carroll W. K. 2004. *Corporate Power in a Globalizing World*. Toronto: Oxford University Press.
- Carroll W. K. 2004. *Critical Strategies for Social Research*. Toronto: Canadian Scholars' Press.
- Carroll W. K., Atasoy Y. 2003. *Global Shaping and its Alternatives*. Toronto: Garamond Press.
- Carroll W. K., Christiansen-Ruffman L., Currie R. F., Harrison D. (eds) 1992. *Fragile Truths: 25 Years of Sociology and Anthropology in Canada*. Ottawa: Carleton University Press.
- Carroll W. K. et al. 2010. *The Making of a Transnational Capitalist Class: Corporate Power in the Twenty-First Century*. New York: Zed Books.
- Hackett R., Carroll W. K. 2006. *Remaking Media: The Struggle to Democratize Public Communication*. London: Routledge.

Литература

- Carroll W. K. et al. 2010. *The Making of a Transnational Capitalist Class: Corporate Power in the Twenty-First Century*. New York: Zed Books.
- Lash S., Urry J. 1987. *The End of Organized Capitalism*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Polanyi K. 2001. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Boston, MA: Beacon Press Pa. См. также: Поланьи К. 2002. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя.

INTERVIEW

W. Carroll

The Basic Issues of Capitalism in the XIX Century are Still Vital in the XXI Century

CARROLL, William —
Professor of Sociology,
Department of Sociology,
University of Victoria;
President, Economy
and Society, Research
Committee 02
International Sociological
Association. Address: A338
Cornett Building, Box 3050
Victoria BC Canada V8W
3P5.

Email: wcarroll@uvic.ca

Abstract

William Carroll, Professor of Sociology at University of Victoria, was interviewed during the conference “Embeddedness and Beyond: Do Sociological Theories meet Economic Realities?” in Moscow (October 25–28, 2012), where Carroll chaired a section of mini-conference “Capitalist Globalization and Its Alternatives” and at the same time presented his research project entitled “Embedding Postcapitalist Alternatives: The Global Network of Alternative Knowledge Production and Mobilization”.

In his interview Carroll disserts upon postcapitalism as a possible way for moving away from class society towards economic democracy, as well as upon opportunities and consequences of that move; moreover, capitalist mode of production, income polarization and current environmental problems are criticized in reference to global world.

According to Carroll today’s capitalist society is not democratic in its full meaning, because democracy represents a kind of autocracy that is market mediated, and society is differentiated by its income in proportion 1 : 99%. The second important question of capitalism is ecology issue, implying that capitalist mode of production necessarily requires endless grow, while our resources are limited. At the same time, the problems of capitalism dated by the XIX century are still of immediate interest.

From Carol’s perspective globalization process has played a significant role in formation of a transnational capitalist class, based on the higher-density networks of corporate and managerial elites. Despite the existence of other historical examples of such networking, transnational capitalist class represents a brand new formation, far more transnationalized and accumulating greater capital flows and greater political planning possibilities. At the same time, connections and ties within transnational capitalist class are weakened by competition among members as well as lack of trust. However, this inter-capitalist competition justifies capitalism as a quite dynamic mode of production.

Keywords: capitalism; postcapitalism; democracy; transnational capitalist class; globalization; Karl Marx; social movements; corporations.

References

- Carroll W. K. Carson C., Fennema M., Heemskerk E., Sapinski J. P. (2010) *The Making of a Transnational Capitalist Class: Corporate Power in the Twenty-First Century*, New York: Zed Books.
- Lash S., Urry J. (1987) *The End of Organized Capitalism*, Madison: University of Wisconsin Press.
- Polanyi K. (2001) *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*, Boston, MA: Beacon Press Pa.